

шолта

А.Б.Вебер

НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ОППОНЕНТЫ

Существуют разные толкования понятия «глобализация» – как с точки зрения ее сущности, так и временных рамок. Одни понимают глобализацию как высшую стадию интернационализации (или империализма), другие, напротив, интернационализацию – как современный этап глобализации. В последнем случае начало глобализации относят в далекое прошлое – кто к неолиту (расселение первобытных племен), кто к «осевому времени» (по Ясперсу) или античности (Римская империя, мировые религии), тем самым фактически распространяя это понятие на весь исторический процесс, на всю историю цивилизации, и по существу «растворяя» его в самых широких представлениях о судьбах человечества. И тогда получается, что в глобализации нет ничего нового. Но если так, то чем объяснить «внезапное» появление этого понятия и то повышенное внимание, которое оно привлекло именно в последние годы?

Термин «глобализация» стал входить в оборот примерно со второй половины 80-х годов как обозначение некоей *новой реальности*, порожденной прежде всего технологической революцией в сфере информатики и телекоммуникаций. Недаром в докладе Римского клуба (1990) охватившие мир перемены были названы «первой глобальной революцией». Разумеется, предпосылки глобализации складывались постепенно: в результате географических открытий, развития мировой торговли, промышленной модернизации и интернационализации. Но вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что Интернет, например, в принципе не представляет собой чего-то нового, поскольку еще в древнем мире существовали глиняные таблички и папирусы как носители знаковых систем.

В сущности, глобализация означает *втягивание большей части человечества в единую систему финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших средств информатики и телекоммуникаций*. Распространять понятие глобализации на всю историю человеческой цивилизации, значит смазывать, размывать отличительные черты этого феномена, его *differentia specifica*. В этом понятии «схвачена» сущность сравнительно нового явления, зафиксирован новый этап интеграционных процессов в мире. О глобализации заговорили тогда, когда глубина и масштабы этих процессов, истоки которых надо искать, конечно, в более отдаленном прошлом, приобрели *качественно*

новый характер, существенным и даже радикальным образом изменяя и преобразуя различные стороны жизнедеятельности человека в глобальном масштабе.

Прекращение холодной войны позволило этой новой реальности раскрыться более явно и зримо, выдвинуться в центр общественного внимания. Получив мощный импульс в результате распада социалистической системы и распространения рыночных методов хозяйствования практически на весь мир, глобализация к началу XXI века стала фактически ведущей тенденцией, доминантой мирового развития. Процессы глобализации затрагивают все сферы жизни общества – от экономики и политики до культуры. Можно, видимо, утверждать, что им суждено стать одним из важнейших факторов, определяющих условия бытия человечества в XXI столетии.

Конечно, всегда есть опасность чрезмерной генерализации. Глобализация – очень широкое понятие, позволяющее подводить под него разные явления, имеющие то общее, что они достигают глобальных масштабов. Некоторые даже считают, что надо говорить не об одной, а о нескольких глобализациях – экономической, политической, глобализации информации, потребительских образцов («макдональдизации»), глобализации экологических угроз, наркобизнеса, преступности, демографической глобализации. Причем эти различные процессы имеют разные масштабы и векторы и развиваются с разной скоростью.

Соблазн генерализации оставляет простор для самых разных интерпретаций. Одни настаивают на том, что глобализацию надо принимать такой, какова она есть, поскольку это объективный процесс и к нему можно лишь приспособливаться, но бессмысленно ему противостоять. Другие, напротив, высказывают сомнение – правомерно ли вообще говорить о глобализации, если мир остается разделенным в социальном и экономическом отношении? Такие сомнения наводят, возможно, неким идеальным образом глобализации, рассматриваемой в качестве либо сугубо теоретической конструкции, отражающей формирование однополярного мира, либо синонима реального объединения мира, преодоления его противоречий, выравнивания условий жизни на планете.

Скептики выдвигают и такой аргумент: в «чисто экономическом» плане глобализация ограничивается-де промышленно развитыми странами (США, Европа, Япония), то есть представляет собой скорее «региональное», а не «глобальное» явление. Но такой зауженный, экономистский подход едва ли уместен, когда речь идет о сложных общественных процессах, и, тем более, в данном случае. Начинаясь с экономики, процессы глобализации неизбежно распространяются и на другие сферы жизни общества, вызывая далеко идущие социальные, социокультурные и политические изменения за пределами того «очага», где они зарождаются.

1. Процесс и политика

¹ Soros G. George
Soros on Globalization.
Oxford: Public Affairs, 2002.
p. VII.

² Кастьельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение Оля России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001. С. 74-82. Кастьельс не одинок в такой оценке. «Опыт последних пяти лет, – писал летом 2000 г. обозреватель «International Herald Tribune» Уильям Пфафф, – не был результатом действия объективных сил, вырастающих из природы самой экономики, или неумолимых технологических сил. Это результат сознательного политического выбора, сделанного правительствами [стран] с развитой экономикой – главным образом, правительствам США, – действующих с благими намерениями, но и в соответствии с тем, что они считают своими национальными интересами и особыми интересами их влиятельных политических клиентур в финансовых и корпоративных сообществах» («International Herald Tribune», July 4, 2000). А вот отклик в Интернете на книгу Джона Грэя – в прошлом видного идеолога английских консервативов, выступившего в конце 90-х с жесткой критикой глобального капитализма (Gray J. *False Dawn: The Delusions of Global Capitalism*. L., 1998): «Он [Грэй] констатирует, что движение к свободным рынкам... не является естественным противовесом, а скорее политическим проектом, основанным на американской мощи».

Экономическую глобализацию можно, вслед за Соросом, определить как свободное движение капиталов и возрастающую зависимость национальных экономик от финансовых рынков и транснациональных корпораций¹. Суть и смысл понятия глобализации, если говорить об экономической стороне дела, – в фиксации пространственных, «количественных» параметров рыночной экспансии, ее глобальных масштабов.

Речь идет об объективном процессе, тем не менее важно различать и разграничивать разные его стороны. Глобализация – не только новые технологии и масштабы торгово-экономических и финансовых связей, но и *политика*, которая служит определенным интересам, и соответствующая *идеология*. Решающее влияние на современные процессы глобализации оказывает экономический либерализм (неолиберализм), который – и в этом его отличие от классического либерализма – ставит во главу угла рыночную эффективность, но игнорирует или отрицает значение этических и культурных ценностей в экономике.

Увлечению на Западе экономическим либерализмом способствовал ряд процессов и явлений: информационная революция, открывшая беспрецедентные возможности совершения рыночных сделок в планетарном масштабе; ускорение темпов экономической интеграции; разочарование в кейнсианской политике государственного вмешательства и регулирования (как реакция на чрезмерное увеличение государственных расходов и налогов в предшествующий период); нефтяной шок 1973 г. и его последствия; наконец – распад социалистического содружества и Советского Союза, воспринятый многими на Западе как свидетельство окончательной победы экономического либерализма, как всемирный триумф свободного рынка. Процессы глобальной интеграции ускорились, что и получило концептуальное обобщение и выражение в понятии «глобализация», которое в 90-е уже повсеместно утвердилось как обозначение доминирующей тенденции мирового развития.

Понятие глобализации оказалось весьма удобным с точки зрения неолиберализма, потому что представляет описываемый им процесс как естественный, неизбежный и безальтернативный. Стремление представить глобализацию как сугубо стихийный, не поддающийся контролю процесс объяснимо – надо внушить людям, что какое-либо противодействие невозможно и бессмысленно. В действительности роль политического выбора как фактора глобализации достаточно велика. Мануэль Кастьельс, один из самых известных сегодня западных социологов, прямо указывает на правительства стран «большой семерки» и контролируемые ими международные финансы и экономические институты как на главных агентов становления глобальной экономики². Смысл политики глобализации зафиксирован в так называемом Вашингтонском

консенсусе – в принципах *дерегулирования, либерализации и приватизации*. Поворотным моментом в формировании этой политики стал почти одновременный приход к власти неоконсерваторов – приверженцев свободного рынка в США (Рейган, 1980) и в Великобритании (Тэтчер, 1979). В 90-е годы либерализация торговли и дерегулирование становятся официальной установкой администрации Клинтона в сфере международных экономических отношений.

Основным механизмом, с помощью которого глобализация «вводилась» в мировую экономику, было политическое давление посредством прямых действий правительств (в первую очередь – США) и/или через деятельность Международного валютного фонда (МВФ), Всемирного банка (ВБ), Всемирной торговой организации (ВТО), Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Это давление использовалось в целях унификации всех национальных экономик на основе набора одинаковых правил игры, подразумевающих свободное движение капиталов, товаров и услуг в соответствии с рыночной оценкой. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязывались, невзирая на их положение, культурные традиции и возможные социальные последствия, жесткие условия «структурной адаптации», жертвами которой становились прежде всего системы здравоохранения, поддержки мелких предпринимателей, социального обеспечения и помощи беднейшим слоям, защиты окружающей среды и природных ресурсов, вообще – публичный сектор и сфера ответственности государства.

В конце 90-х годов МВФ действовал и давал «советы» по проведению структурной адаптации в более чем 80 странах. «Большая часть развивающегося мира, как и стран с переходной экономикой, стала экономическим протекторатом МВФ», констатирует Кастельс³. Если страна отказывалась иметь дело с этой системой, она подвергалась финансовому ostrакизму. Сходным образом действовала и ВТО: страны, стремившиеся получить доступ к богатым рынкам, должны были отказаться от защиты неконкурентоспособных отраслей своей промышленности.

Такая экономическая система приносит выгоду прежде всего тем, кто занимает наиболее сильные конкурентные позиции в мировой экономике и способен, благодаря этому, ограждать свои интересы, прибегая к двойным стандартам, к селективному применению принципа открытости. Издержки же глобализации ложатся главным образом на тех, чье отставание от лидеров технологического прогресса предопределено слабыми позициями в глобальном силовом поле мировой экономики и политики (худшие стартовые условия модернизации, неравные условия торговли, доступа к рынкам капитала, к ной-хау).

⁴ Цит. по: «Независимая Газета», 10 октября 1998 г.

Это силовое поле складывается из действия многих факторов – экономических и неэкономических. Последние простираются от современных методов социально-психологического давления (при помощи средств массовой информации и т.п.) до методов прямого насилия. Как откровенно заявила однажды Джин Киркпатрик (видная фигура в американском истеблишменте), «роль американских финансовых лидеров, хозяев Уолл-Стрит, никогда в политике не была столь сильной, как сейчас... Модель глобализма сегодня навязывается сильнее, чем когда-либо»⁴.

2. Социальные последствия

Неолиберальная глобализация – крайне противоречивое явление. Она открывает новые возможности для развития, связанные с распространением информации, знаний, новых технологий; позволяет, в принципе, полнее использовать преимущества международного разделения труда, производственной кооперации, эффективней использовать ресурсы и т.п. Но она же обнажает и обостряет существующие в мире контрасты и противоречия, «глобализирует» их, порождает новые опасности, конфликты и риски. В первую очередь это связано с известным феноменом «отказов» рыночного механизма, с тем, что по-английски называется *market failure*.

Согласно неоклассической теории, к которой восходят взгляды современных эконом-либералов, конкурентный рынок сам собой стремится к общему равновесию и устойчивости, а рыночная рациональность, т. е. сопоставление индивидуальных предельных затрат и выгод, обеспечивает оптимальное размещение ресурсов и максимальную эффективность. В основе этого взгляда лежало представление о том, что природные ресурсы являются даровыми и практически неисчерпаемыми, что всегда есть возможность замещения дефицитных ресурсов, а социальными и экологическими издержками хозяйственной деятельности можно пренебречь как «побочными эффектами».

Но эти послышки опровергаются практикой рыночных экономик. Модель равновесного (совершенного) рынка существует лишь в теории. Реальный рынок, тем более современный, представляет собой *неравновесную, неустойчивую систему*. Рыночные силы, будучи действенным фактором развития, одновременно обуславливают неустойчивость в экономике, обществе и, что стало очевидным в XX в., в системе «человек-природа». Рынок имеет свои пределы: он не учитывает интересы общества в целом и не ориентирует на инвестиции в будущие социальные активы – здоровье и образование граждан, сбережение естественных ресурсов, защиту окружающей среды. Недостатки рыночной системы, отчасти нейтрализуемые на национальном уровне сложившимися механизмами государственного регулирования, воспроизводятся «в расширенном масштабе» на глобальном уровне, где такие механизмы отсутствуют.

Другая причина – огромные различия между странами мира с точки зрения географического положения, наделенности факторами производства и других условий развития. Достаточно представить себе диапазон различий по размерам территории, численности и плотности населения, по климатическим условиям, наличию пригодной для обработки земли, доступных для эксплуатации минеральных ресурсов, по политическому устройству, культуре и т.п. Эти различия (а также последствия колониальной политики, работорговли и т.п.) преопределили крайнее неравенство стартовых условий экономического и особенно промышленного развития в новое время, а тем самым, в значительной мере, и нынешнюю пропасть между Севером и Югом.

Правда, значение *естественных* факторов относительно уменьшается по мере того, как возрастает роль *приобретенных* факторов, к которым относятся квалификация рабочей силы, физический капитал, знания («ноу-хау»). Но поскольку наделенность приобретенными факторами в решающей мере зависит от размера инвестиций в образование, науку, культуру, постольку преимущество здесь сохраняется за богатыми странами, которые к тому же притягивают к себе, подобно магниту, интеллектуальные ресурсы остального мира.

Рыночная конкуренция, сглаживая в определенной мере различия в наделенности естественными факторами производства, одновременно ведет к усилению различий в других отношениях. Она способствует дифференциации, вознаграждая тех, кто находится в более выгодном положении, и наказывая обделенных. Причем глобальные рынки гораздо более неоднородны и неравновесны, чем сформировавшиеся национальные рынки. Не связанные наднациональным регулированием, глобальные рыночные силы ослабляют, размывают национальные механизмы макроэкономического регулирования, способствуют возникновению хозяйственных диспропорций, рассогласованию различных параметров развития общества. Сокращается способность государства (особенно в менее развитых странах) защищать национальную экономику от внешних шоков. Глобализацию недаром называют триумфом *нерегулируемого капитализма*.

Неолиберальная глобализация выхолащивает принцип демократического правления, она создает новые, «экстерриториальные» источники власти, воплощением которой служит концентрированная мощь международных финансовых организаций, транснациональных корпораций, фондовых бирж и других глобальных рыночных институтов. В этих условиях институты политической демократии подчас становятся просто ширмой, прикрывающей авторитарную практику.

Асимметричный характер неолиберальной глобализации выражается прежде всего в невиданной концентрации богатства на одном полюсе, бедности и нищеты – на другом.

Максимальную выгоду от глобализации получают Соединенные Штаты. В прошлом десятилетии (90-е гг.) средние темпы роста американского ВВП составили 3,6% в год, что в полтора раза выше темпов роста мировой экономики. Ежегодный прирост внутренних инвестиций достиг 7%, в то время как для всего мира он не превышал 3%. Соединенные Штаты превратились в главный рынок для иностранных инвестиций – в конце 90-х американский рынок поглощал свыше 30% глобальных иностранных инвестиций. В результате на долю США приходится 45% капитализации мирового рынка, что в два раза больше доли этой страны в мировом ВВП⁵.

⁵ См. Рогов С. Доктрина Буша // «Свободная мысль», № 4, 2002, с. 5.

Благодаря своему положению в мире США имеют возможность таким образом направлять действие рыночных сил (в частности, через контролируемые ими международные финансовые институты), чтобы обеспечивать свое господство на глобальных рынках, притягивать к себе в огромных масштабах финансовые активы и интеллектуальные ресурсы других стран, в том числе менее развитых, и тем самым позволять своим гражданам «потреблять значительно больше, чем они производят»⁶.

⁶ Wade R.H. *America's Empire Rules an Unbalanced World // International Herald Tribune, Jan. 3, 2002.*

Сверхпотреблению, расточительности и вызывающей роскоши на одном полюсе противостоят отсутствие элементарных условий достойной жизни, нищета, голод и болезни – на другом. Специальная сессия Генассамблеи ООН в Женеве («Копенгаген + 5»), июнь 2000 года констатировала: с тех пор, как глобализм «стартовал» (was launched), бедность, неравенство и необеспеченность в мире возросли; этот вывод содержался в представленном сессии совместном докладе Всемирного банка, МВФ и ОЭСР. Приводимые в публикациях ООН данные свидетельствуют, что на долю богатейшего 1% мирового населения приходится больше доходов, чем имеют беднейшие 57%⁷. В последние десятилетия глобальное неравенство растет с ускорением, и это прямое следствие неолиберальной глобализации, которая поляризует мир.

⁷ Human Development Report, 2001 (далее HDR). New York-Oxford, 2001, p. 19.

Дело не только в поляризации по доходам. К «извращающим последствиям» (по выражению Юбера Ведрина, бывшего министра иностранных дел Франции⁸) неолиберальной глобализации надо отнести также увеличение застойной «структурной» безработицы, подрыв систем социальной защиты, миграционное половодье и нарастание этнокультурных антагонизмов, «взрывное» распространение наркоторговли, организованной преступности, импортированной проституции, а также неизбежные и болезненные психологические эффекты, выражающиеся в обостренном восприятии людьми нестабильности, неопределенности своего социального положения, а маргинализированными группами населения – неравенства и лишенности.

⁸ См. его интервью «Новой газете», № 10 за 2002, с. 14.

Политика «открытия рынков» с успехом используется теневыми структурами, преступная деятельность которых приобрела

международный характер. По некоторым оценкам, в развивающихся странах около 40% всей рабочей силы находит себе применение в теневой экономике. Устремляясь на поиски заработка в другие страны, люди пытаются любыми путями обойти иммиграционные барьеры: в среднем в год нелегально переходят границу 4 млн. человек, пополняя теневой сектор и принося организаторам 7 млрд. долларов дохода⁹.

⁹ См. : Проблемы глобализации. Материалы международного исследовательского проекта. М., 2001. С. 38.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Доклад о развитии человека за 2000 год. С. 30, 36; HDR, 2001. Р. 13.

Безработица подпитывает преступный бизнес. Нелегальный оборот наркотических средств в середине 90-х годов достигал 400 млрд. долларов или около 8% мировой торговли. Разнообразные виды незаконного промысла позволяют мафиозным группировкам, действуя поверх границ, собирать щедрую дань, оцениваемую в 1,5 трлн. долларов в год¹⁰. Процветает бизнес на проституции: завербовано для «продажи» в другие страны (по разным данным) от 1,2 до 1,8 млн. женщин и девочек в возрасте до 18 лет, в том числе 500 тыс. из стран Восточной Европы¹¹.

3. Неизбежное сопротивление

Есть глобализация и глобализация, как сказал бы один авторитетный в прошлом критик капитализма. Политика глобализации, выражающая интересы доминирующих в мировой экономике государств и транснациональных корпораций, вызывает сопротивление. Его проявления многообразны – от протестов против негативных социальных последствий неолиберальной глобализации, которые ощутимо затрагивают те или иные группы людей или государства, и требований, направленных на смягчение или нейтрализацию этих последствий, до неприятия глобализации как таковой – как нового издания колониализма-империализма, как экспансии западной культуры, подрывающей традиционные культурные ценности незападных цивилизаций.

Сопротивление политике неолиберальной глобализации – столь же объективный факт, как и сама глобализация. Развивающиеся страны стремятся защитить свои интересы через региональные экономические объединения, а также на переговорах об условиях торговли, доступа к кредитным ресурсам, обслуживания внешнего долга. Они противятся попыткам вынудить их отказаться от контроля в отношении иностранных инвестиций. Нарастает и противодействие вестернизации и американизации в сфере культуры – как пассивное (инерция культурной самобытности), так и в агрессивно-националистических и фундаменталистских формах (доходящих до изуверских террористических актов).

Знаменем времени стало новое протестное движение, которое в просторечии называют «антиглобалистским» (хотя это, по меньшей мере, неточно). Заявило оно о себе впервые известными событиями в Сиэтле (США) в декабре 1999 года, когда 50 тыс. участников массовых акций протеста, американцев из разных штатов и граждан других стран, по призыву профсоюзов, неправительственных

организаций и церковных общин, сорвали министерскую конференцию ВТО. Его кульминацией в 2001 году стали беспрецедентные по размаху массовые демонстрации в Генуе, приуроченные к проходившей там очередной встрече «восьмерки».

За «битвой в Сиэтле», как окрестили эти события журналисты, последовали бурные демонстрации в Мельбурне и Давосе, когда там заседали участники Всемирного экономического форума, в Вашингтоне и Праге – по случаю заседаний Всемирного банка и МВФ, в Виндзоре – по случаю саммита Организации американских государств, позднее – в Ницце, когда там проходила встреча глав государств и правительств Европейского союза, а также в других точках мира – в Германии, Швеции, Великобритании, Франции, Испании...

Эти выступления сопровождаются, увы, столкновениями с силами порядка, актами насилия и вандализма, за которыми стоят обычно группы хорошо организованных экстремистов (а, возможно, и провокаторов). На этом, как правило, фиксирует внимание большинство комментаторов телевидения и других средств массовой информации, огульно обвиняя манифестантов — а это в основном молодежь, студенты, люди левых взглядов, в том числе социалисты, коммунисты, анархисты, «зеленые», пацифисты – в склонности к бесчинствам, однако «за кадром» остаются основные причины и действительный смысл этих событий, столь неожиданных на фоне, казалось бы, глобального триумфа свободного рынка.

Наиболее громкие массовые акции приурочены, как правило, к заседаниям ВТО, Всемирного банка, МВФ – и это неудивительно: в них видят проводников политики глобализации, ответственных за те ее последствия, которые вызывают протест. Решения, принимаемые чиновниками международных организаций за закрытыми дверями, часто с подачи лоббистов крупнейших корпораций, затрагивают интересы и отражаются на условиях существования миллионов людей, не имеющих никакого влияния на эти решения. Желание заставить «сильных мира сего» услышать голос «слабых» толкает людей, особенно молодежь, на радикальные действия. «В ближайшие десять-двадцать лет глобальные корпорации столкнутся со все возрастающим и хорошо организованным движением протеста» – предупреждает председатель совета директоров и гендиректор «Vivendi Universal» Жан-Мари Мессье¹².

Налицо феномен «низового глобализма» («grassroots globalism») как иная ипостась глобализации и как ответ на неолиберальную глобализацию «сверху». В новом протестном движении представлены различные течения – и те, которые оспаривают глобализацию как таковую, и те, которые видят свою цель в поисках альтернативной модели глобализации – более демократичной и

¹² «Эксперт»,
05.02.2001 г.

человечной. Большинство организаций и участников протестных движений (если не говорить об экстремистах) разделяют такие ценности, как социальная справедливость, солидарность, демократия, экономические и социальные права граждан, самоуправление, здоровая окружающая среда, культурное разнообразие. Их требования: большая прозрачность международных финансовых учреждений, более справедливое распределение доходов, увеличение налогов на экспорт и импорт капитала, соблюдение норм трудового права и защиты окружающей среды, сокращение внешнего долга для развивающихся стран.

В мае 2000 года представители свыше 1000 неправительственных и иных гражданских организаций из более чем 100 стран по предложению генерального секретаря ООН Кофи Аннана провели в Нью-Йорке свою встречу – Форум тысячелетия. Одобренная ими общая программа действий очень конкретна, детально разработана и лишена какой-либо специфической социальной или идеологической окраски. Она не призывает к борьбе *против* глобализации, но определяет направление совместных усилий как курс на такую глобализацию, которая осуществляется самими людьми в их собственных интересах. Предусмотренные программой меры, подчеркивают ее авторы, должны проводиться в жизнь гражданским обществом, правительствами и Организацией Объединенных Наций на основе сотрудничества.

Декларация, принятая этим Форумом, предостерегает: если «архитекторов глобализации» не призвать к ответу, то последствия для всех могут быть катастрофическими. «В конечном итоге богатым не будет спасения, поскольку нетерпимость, болезни, экологические катастрофы, войны, распад общества и политическая нестабильность станут вездесущими». Для того чтобы глобализация стала благом для всех, говорится там же, надо, чтобы всемирные компании, международные финансовые и торговые учреждения и правительства находились под эффективным демократическим общественным контролем.

Решения Форума тысячелетия, несмотря на отдельные радикально звучащие оценки, носят в целом довольно умеренный характер. В них отчетливо просматривается различие глобализации «сверху», проводимой в интересах богатых и сильных (и воспринимаемой большинством людей как установление экономического, политического и культурного господства более сильных над более слабыми), и глобализацией «снизу», выражающейся в беспрецедентных контактах, связях, обменах и взаимодействии между индивидами, группами, общинами и организациями (благодаря тем же средствам информатики и телекоммуникации!), в развитии во всем мире нового общественного сознания на основе ценностей мира, равноправия, социальной справедливости, демократии, прав человека.

В массовых выступлениях конца 90-х годов громче всего звучали лозунги и требования *леворадикального крыла* нового социального движения. О чем они? Один из идеологов радикального крыла, Уолден Белло (Таиланд), утверждает, что международные финансовые институты и ТНК «нереформируемы», поэтому надо путем демонстрации «живой силы» оспорить и подорвать их власть, лишить их легитимности и в конечном счете добиться их устранения. Целью, настаивает он, должна быть «деглобализация». Это, конечно, максималистская идея – какие бы оговорки при этом ни делались.

Вместе с тем альтернативный план, который предлагает У.Белло, содержит немало здравых идей. Например, когда он говорит о том, что развивающимся странам следует ориентировать свои экономики преимущественно на внутренний рынок, а не на экспорт; всячески способствовать развитию внутреннего рынка; поощрять производство на общинном и национальном уровне, направляя большую часть финансовых ресурсов на внутреннее развитие; поддерживать как частные, так и кооперативные и государственные предприятия; не гнаться за показателями экономического роста, а максимизировать принцип справедливого распределения в целях радикального оздоровления окружающей среды; придерживаться демократической процедуры принятия экономических решений, не уступая диктату рынка, и т.п. При этом, подчеркивает У.Белло, речь не идет ни об обособлении от мирового рынка, ни об отказе от частного предпринимательства.

Международная дискуссия о глобализации приобрела «после Сизтла» новое качество – на первый план выдвигается проблема реформы существующей глобальной системы финансово-экономических институтов и практик. Требования, идущие в этом направлении, выдвигает, в частности, Всемирный социальный форум, организовавшийся в противовес давосскому Всемирному экономическому форуму. Всемирный социальный форум в Порту-Алегри (Бразилия, январь 2001 г.), в котором участвовало 10 тыс. делегатов из 120 стран, проходил под лозунгом «Против неолиберализма». Второй Социальный форум (Порту-Алегри, 2002 г.), собравший свыше 15 тыс. делегатов из 123 стран и более 50 тыс. участников, прошел под лозунгом: «Иной мир возможен». Если Давос можно считать глобальным форумом «сильных мира сего», то Всемирный социальный форум, по замыслу его инициаторов, должен стать постоянным местом встреч и процессом мобилизации мирового гражданского общества на борьбу против политики неолиберализма.

В оппозиции глобализации находятся и праворадикальные течения, однако линия размежевания достаточно определена: основной поток «антиглобалистских» движений имеет интернационалистскую окраску, тогда как праворадикальные группы

выступают с националистических позиций. «Никакого взаимодействия, сотрудничества и даже просто физического сосуществования между фашистами, правыми националистами и левыми антиглобалистами не было, нет и не будет ни при каких условиях», считает Б.Кагарлицкий¹³. Вместе с тем активизация ультраправых на расистской и националистической почве симптоматична: их успехи на выборах в ряде стран Европы отражают растущее недовольство последствиями неолиберальной глобализации.

4. Кризис неолиберального глобализма

В последние годы неолиберальному глобализму нанесен ряд чувствительных ударов – это череда тяжелых финансовых кризисов (в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии); сопровождающие их крупные народные волнения (Индонезия, Аргентина); бурные массовые выступления в Сиэтле, Гетеборге, Праге, Генуе и других городах мира; наконец – трагедия 11 сентября 2001 года в Америке как злощастный побочный продукт современной техногенной цивилизации в ее теперь уже глобальном формате... Все это поколебало самоуверенность приверженцев Вашингтонского консенсуса, вынудило «глобалистов» занять оборонительные позиции, согласиться на диалог со своими оппонентами. В заключительном коммюнике по итогам встречи лидеров «восьмерки» в Генуе говорилось о «фундаментальном значении» открытых публичных дебатов по ключевым проблемам, с которыми сталкиваются их общества, о стремлении продвигать «новаторские решения», основанные на партнерстве с гражданским обществом, а также искать пути сотрудничества и солидарности с развивающимися странами¹⁴.

Накапливается все больше данных для того, чтобы констатировать кризис неолиберального глобализма. На западном книжном рынке множится число изданий с критической оценкой глобализации с такими, например, «говорящими» названиями: «Глобализация под вопросом», «Западня глобализации», «Не зашла ли глобализация слишком далеко?», «Глобальная нестабильность», «Хищная глобализация», «Глобальный синдром», «Конец глобализации» и т.п.¹⁵ Известный обозреватель из «Herald Tribune», Уильям Пфафф, заявил на страницах своей газеты: «Настало время писать некролог глобализму как экономической доктрине», она «потерпела провал». Если учитывать не только социальные и экологические последствия глобализации, но и шаткое положение финансовых рынков, несущее угрозу экономического спада, неспособность ведущих держав предотвратить международный терроризм, продолжающееся в мире наращивание вооружений, то основания для того, чтобы говорить пусть не о провале, но, по меньшей мере, о кризисе глобализма – налицо.

Различные общественные и политические силы традиционного спектра вынуждены учитывать эту ситуацию, им приходится

¹⁴ «Восьмерка обещает диалог с движением антиглобалистов», – сообщил корреспондент «Монд» (Le Monde), 23.07.2001.

Hirst P., Tompson G. *Globalization in Question*. Cambridge, - 1996; Martin H.-P., Schumann H. *The Global Trap*. Pretoria (S.Afr.)-L., 1997;

Rodrik D. *Has Globalization Gone Too Far?* Wash., 1997; Michie J., Smith J.G. (Eds.) *Global Instability*. L.-N.Y., 1999; Falk R.

Predatory Globalization: A Critique. Oxford, 1999; Mittelman J.-H. *The Global Syndrome*. Princeton, 2000; Rugman A. *The End of Globalization*. L 2000.

определять свое отношение к вызовам глобализации, искать свои ответы на них. Парижский конгресс Социалистического интернационала (1999) выступил с декларацией «Вызовы глобализации», где развивается идея «глобального прогресса» как ответа на эти вызовы. В рабочих органах и документах ООН обсуждается вопрос о том, как интегрировать человеческое и социальное измерение в процесс глобализации. «Доклад о развитии человека», опубликованный Программой развития ООН в 1999 году, проводит идею «глобализации с человеческим лицом».

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в докладе «Мы, народы...» (март 2000 г.), говоря о реальностях нового, глобализированного мира, оценил ситуацию так: «В этом новом мире группы и отдельные лица все чаще и чаще напрямую взаимодействуют между собой через границы без участия государства. Это создает определенные опасности. Преступность, наркотики, терроризм, загрязнение, болезни, оружие, беженцы и мигранты – все это передвигается туда и сюда более быстрыми темпами и в больших объемах, чем в прошлом. Люди ощущают угрозу, исходящую от событий, которые разворачиваются вдали от них. Они также более остро реагируют на несправедливость и жестокость в отдаленных странах и ожидают от государств каких-то мер в этом отношении. ...Если мы хотим взять лучшее от глобализации и избежать худшего, мы должны научиться управлять лучше и должны научиться тому, как лучше управлять сообщая»¹⁶.

¹⁶ <http://www.un.org/>...

О вызовах глобализации не раз говорил в последние годы папа Иоанн Павел II. Выступая в Ватикане на Ассамблее парламентариев мира 4 ноября 2000 года, он, в частности, сказал: «Позорно для обществ изобилия современного мира, когда там *богатые становятся все богаче*, потому что богатство воспроизводит богатство, а *бедные становятся все беднее*, потому что бедности свойственна тенденция порождать новую бедность. Эта позорная ситуация проявляется не только внутри отдельных стран, но по своим масштабам выходит далеко за их границы. Именно сегодня, в условиях глобализации рынков, богатые и развитые страны настроены на всемерное улучшение своих экономических условий, тогда как бедные страны – если они лишены всякой надежды на дальнейшее развитие – погружаются во все более тягостную нищету. ...*Дух солидарности – вот что в действительности должно нарастать в мире*, чтобы победить эгоизм отдельных личностей и наций»¹⁷.

¹⁷

L'Osservatore
Romano, 06-
07.11.2000, p.7.

В унисон с этим звучат и следующие строки из Основных положений социальной концепции Русской Православной Церкви: «Глобализация... связана с возникновением транснациональных корпораций, где сосредоточены значительные материальные и финансовые ресурсы и где трудится огромное количество граждан разных стран. Лица, стоящие во главе международных экономических и финансовых структур, сосредоточивают в своих руках огромную

власть, не подконтрольную народам и даже правительствам и не признающую никаких пределов – будь-то государственные границы, этническо-культурная идентичность или необходимость сохранения экологической и демографической устойчивости. Подчас они не желают считаться с традициями и религиозными устоями народов, вовлекаемых в осуществление их планов»¹⁸.

Президент Российской Федерации В.В.Путин предложил формулу «социально ответственной глобализации». Эту мысль он подчеркнул в приветствии участникам, организаторам и гостям «Форума-2000», который проходил в Нью-Йорке под председательством М.С.Горбачева параллельно с «Саммитом тысячелетия» в ООН. В приветствии говорилось: «На рубеже веков человечество нуждается в серьезном осмыслении мощных глобальных тенденций – проявляющихся в экономике, в сфере культуры и информации. Будущее за теми, кто научится управлять этими процессами, заставит их работать на благо людей. Мы должны позаботиться о том, чтобы глобализация стала социально ориентированной, чтобы народы мира в равной мере могли пользоваться плодами научно-технического и интеллектуального прогресса».

Показательно, что на «Саммите тысячелетия», проходившем в рамках последней в XX веке сессии Генеральной Ассамблеи ООН на уровне глав государств и правительств, проблемы глобализации оказались едва ли не главной темой. В Декларации саммита подчеркивается: главная задача, стоящая сегодня перед мировым сообществом, – обеспечить, чтобы глобализация стала позитивным фактором для всех народов мира. Пока же, отмечается в этом документе, блага глобализации, распределяются весьма неравномерно, а ее издержки ложатся главным образом на развивающиеся страны. Насколько серьезны эти заявления? Не останутся ли они, как не раз бывало в прошлом, лишь словами, не подкрепленными конкретными делами?

Ответы на вызовы глобализации лежат в политической сфере. Становление глобальной экономики диктует необходимость соответствующего политического устройства, способного контролировать транснациональные рыночные силы и направлять экономическое и социальное развитие в интересах всех народов мира. Борьба с международным терроризмом требует не только силовых контракций, но и серьезной переоценки политики развития. Нужна политика, способная интегрировать в процесс глобализации человеческое и социальное измерение, обеспечить право всех народов на достойную жизнь, на культурную и цивилизационную самобытность.

Мировое сообщество определило суть повестки дня на XXI век как достижение устойчивого развития (sustainable development). Глобализация в ее нынешней преобладающей форме вступила

в противоречие с целями устойчивого развития. Фактически это было признано в ходе подготовки Всемирного саммита по устойчивому развитию, намеченного на сентябрь 2002 г. в Йоханнесбурге (Южная Африка). О вызове глобализации как основном препятствии для продвижения к устойчивому развитию говорили представители развивающихся стран на региональных и субрегиональных встречах, проводившихся в 2001 г. в рамках подготовки этого саммита. Участники круглого стола для Европы и Северной Америки (тоже в рамках подготовки саммита) признали, что этот регион использует непомерную долю мировых ресурсов и несет особую ответственность за устранение глобальной нищеты¹⁹.

¹⁹ United Nations. *Progress in Preparatory Activities for the World Summit on Sustainable Development. Report of the Secretary-General, 14 September 2001.*

²⁰ United Nations. *Economic and Social Council. Implementing Agenda 21. Report of the Secretary-General, 19 December 2001.*

Предполагается, что проблемы, возникшие в 90-е годы на пути к устойчивому развитию, будут рассмотрены на саммите в Йоханнесбурге. Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в докладе о результатах выполнения «Повестки 21» за 10 лет после Рио, констатируя отсутствие существенного прогресса в этом направлении, сослался на изменение глобальной обстановки, на процессы глобализации, либерализации торговли и рынков капитала²⁰. Осознание взаимосвязи между устойчивостью и глобализацией дается нелегко. В Германии Совет по устойчивому развитию рекомендовал федеральному правительству выступить на саммите за то, чтобы ООН создала международную комиссию по устойчивости и глобализации. Представители Юга хотели бы обсудить на саммите в числе главных тем и такую, как изменение и ограничение неустойчивых (unsustainable) моделей потребления и производства (прежде всего, в богатых странах), но это вряд ли вызовет энтузиазм у представителей западных стран.

Решения саммита сами по себе едва ли обеспечат серьезный сдвиг в направлении целей устойчивого развития, если не будут поддержаны *мобилизацией социальных сил гражданского общества*. По существу, необходим новый социальный контракт между обществом и властью, распространяющийся на проблемы, порождаемые глобализацией. Возрастающая роль неправительственных организаций и гражданских инициатив свидетельствует о формировании мировой публичной сферы, призванной играть все большую роль в определении политической повестки дня мирового сообщества.